

БКК 63.48(253.3)

С.А. Пилипенко

**Исследование берестяных погребальных конструкций
в погребениях с конем курганного могильника Конёво
в Кузнецкой котловине***

S.A. Pilipenko

**Research of Birch Bark Burial Structures in the
Burials With a Horse in the Konevo Burial Mound
in the Kuznetsk Hollow**

Рассматриваются конструктивные особенности погребальных конструкций из дерева и бересты в погребениях с конем средневекового населения Кузнецкой котловины, сделанных по материалам курганного могильника Конёво, датирующегося началом II тыс. н.э. На основе анализа технологических приемов обработки фрагментов берестяных погребальных конструкций реконструируются общие черты берестяного промысла и технологии сбора и обработки бересты на указанной территории в начале II тыс. н.э.

Ключевые слова: берестяные чехлы, берестяные подстилки, погребение с конем, берестяной промысел, средневековые кочевники.

The proposed paper deals with constructive features of the burial structures made of wood and birch bark in the graves with a horse of the medieval population of Kuznetsk Hollow based on materials of the Konevo burial mound, dated by the beginning of the 2nd millennium AD. Basing on the analysis of technological methods in processing fragments of birch bark burial structures, the reconstruction of the general features of bark workmanship and technology of bark collection and processing on the territory of Kuznetsk Basin in the beginning of the 2nd millennium AD was made.

Key words: birch-bark covers, birch-bark laying, burial with a horses, birch-bark a craft, medieval nomads.

В 2002–2004 гг. на территории Кемеровской области доктором исторических наук А.М. Илюшиным при исследовании средневекового курганного могильника Конёво в четырех случаях (курган 1, погребение 1; курган 2 погребения 2, 4, 6) были зафиксированы берестяные конструкции, иногда в сочетании с древесиной [1, с. 8–23]. Сохранившиеся фрагменты бересты от погребальных камер были исследованы автором данной статьи совместно с активистами этноархеологического клуба «Кыпчак» Сибирской государственной геодезической академии.

Применение бересты в погребальном обряде средневековых кочевников юга Западной Сибири имело широкое распространение, играя существенную роль в бытовой и духовной жизни. Сама береза воспринималась жителями Сибири как дерево жизни [2, с. 374–375]. Использование бересты в погребальной практике следует рассматривать в двух аспектах: в технологическом и сакральном. Выполненная нами работа демонстрирует технологические особенности конструкций. Актуальность рассматриваемого вопроса заключается в том, что в научной литературе отсутствуют обобщающие исследования на данную тему, хотя на территории Западной Сибири и Кемеровской области известно большое количество памятников

раннего и развитого Средневековья, в которых встречаются детали погребальных конструкций и артефакты из бересты разной степени сохранности [3, с. 181; 4, с. 110; 5, с. 15]. Некоторые из них после реконструкции позволяют судить о многих сторонах жизни населения, в частности, Кузнецкой котловины [6, с. 126–127; 7, с. 159–162]. Находки свидетельствуют о широком использовании бересты в качестве сырья для хозяйственных и бытовых нужд.

Изученные берестяные погребальные конструкции имеют сложную и подчас неповторимую технологическую схему кроя. Выявленные показатели потребовали обращения к этнографическим приемам обработки бересты, имеющим свои региональные особенности. Это, в свою очередь, позволяет проследить распространение различных технологических особенностей берестяного промысла в сибирском регионе. В средневековых археологических памятниках береста, как правило, имеет неплохую сохранность. Это повышает ее значение в качестве информативного источника.

При изучении берестяных конструкций наиболее значимые элементы были взяты для исследований в камеральных условиях. Следует отметить, что все четыре погребения памятника Конёво имели одну

* Приношу благодарность д.и.н. А.М. Илюшину за возможность работы с материалами курганного могильника Конёво.

особенность — это были захоронения человека с лошастью. Животное располагалось на ступеньке, а человек лежал ниже в этой же яме.

Сохранность бересты хорошая. Анализ имеющихся материалов позволил зафиксировать основные стадии заготовки и обработки берестяного сырья для погребальных конструкций. Учитывая особенности сушения и увлажнения бересты в различные времена года, можно отметить факт заготовки бересты в весенне-летний период (май — июнь). На всех берестяных листах отсутствуют следы луба, а также почти не фиксируются следы подрезки ножом, которые остаются, если бересту снимают с усилием. Аналогичные сроки заготовки бересты совпадают с традициями населения бассейна Тары и Барабы [8, с. 113; 9, с. 61], а также кетов [10, с. 167–168] и алтайцев [11, с. 153–158]. Погребения могли быть совершены в те же сроки, чему не противоречит значительная глубина могильных ям.

Хорошее качество заготовок свидетельствует о том, что мастера выбирали целенаправленно деревья с хорошей берестой. Как правило, такие деревья росли в заболоченных низменностях и на склонах. Все берестяные детали были получены пластовым методом при помощи ножей среднего размера. После снятия кора подвергалась первичной обработке. Ее отчищали от белого внешнего слоя и резали на куски нужного размера. В случае необходимости их сшивали в более крупные полотнища (как встык, так и внахлест). Подвергались ли фрагменты бересты вывариванию, сказать сложно из-за их сохранности. Наиболее вероятно, что в основной своей массе вываривание отсутствовало.

Для работы использовался в основном нож, которым бересту резали и надрезали при снятии с дерева, а также применяли при монтаже изделий, подрезали сучки и лишние выступы от почек с лицевой — белой стороны, пробивали отверстия для жгута и т. д.

Зафиксировано использование игл диаметром 0,2–0,3 см и овального железного стержня диаметром до 0,6 см (возможно, шило). Для сшивания полотнищ применяли два вида соединительных материалов: тонкую нить, вероятно, крапивную, толщиной 0,3 мм, и жгут сарги, плоский в сечении, размером 0,4х0,25 см. При сшивании листов использовался один тип шва — прямая строчка, который выполнял функции соединения двух листов и прошивки торцов берестяных чехлов. Шаг стежка — от 2–3 до 10–15 см в зависимости от типа изделия. Один раз для уплотнения стенки между человеком и конским отсеком были использованы плашки в качестве каркаса стенки (курган 2, погребение 4).

Курган 2, погребение 2 (рис. 1,3; 2, 1–2): на дно ямы положили берестяную подстилку из цельного листа, рисунком волокон поперек листа, белой стороной вниз. Внешняя (белая) поверхность была аккуратно выскоблена ножом, наросты подрезаны. Поверх подстилки положили берестяной чехол раз-

мером 180х60 см, состоящий из цельного листа, согнутого продольно. Загиб листа расположен справа от погребенного. Рисунок волокон полотна находился поперек листа. Края листа, обрезанные ножом, были сложены вместе, подогнуты вверх на 10 см и пришиты к верхней части чехла. По всему краю заворота ножом были пробиты отверстия и пропущен плоский жгут из сарги шириной 4–3,5 мм. Возможно, торцы тоже были прошиты. После чего рядом с чехлом соорудили деревянную стенку. Внутри чехла положили берестяную подстилку, состоящую из нескольких листов прямоугольной формы. Листы подстилки соединены внахлест и сшиты между собой саргой, швом в строчку с большим шагом в 10–15 см. Ширина соединительного жгута 0,3–0,7 см.

Погребение было отделено от камеры с конём вертикальной, хорошо сохранившейся перегородкой из бересты на деревянном каркасе из вертикальных плашек высотой 37–40 см, расположенных на расстоянии 10–15 см. Они заходили на 1/3 за ступеньку подбоя, верхние концы стояли вертикально. Между ними располагались два ряда берестяных полотнищ, состоящих из прямоугольных листов размером 37–40 х 60 см, рисунком волокон коры поперек листа. Листы соединялись внахлест в первом ряду и со смещением на 1/3 во втором ряду, образуя единую ленту (рис. 2,1). Между рядами листов стояли плашки каркаса. Края берестяной ленты обматывались вокруг крайних плашек на два оборота, натягивая берестяную ленту стенки. Кроме того, край каждого листа оборачивался вокруг плашек также на два оборота. Листы сшивались между собой жгутом сарги. Первый и второй слои укладывался со смещением так, что стык двух листов первого слоя приходится на середину листа из второго слоя, также уложенных встык. Нижний край стенки слегка подгибался на ступеньке, не давая земле попасть в соседнюю камеру.

Надо отметить одну интересную деталь в конструкции этого погребального сооружения. Внутренняя подстилка внутри берестяного чехла и берестяная стенка перегородки имеют один общий технологический прием: прошивка жгутом сарги и наложение листов встык. Этот своеобразный «почерк» говорит о том, что оба изделия, скорее всего, изготовлены одной рукой или одним и тем же человеком, проявившим через эти изделия свой профессиональный «стиль» (рис. 2, 1–2). С другой стороны, мы можем говорить о специализации отдельных кочевников. Согласно этнографическим данным, мелкие берестяные изделия изготавливались женщинами, а крупные — мужчинами [12, с. 159].

Использование бересты в курганном могильнике Конёво находит широкий круг аналогий как в Кузнецкой котловине [5, с. 32; 13, с. 108; 14, с. 77], так и за ее пределами [15, с. 17; 16, с. 80; 17, с. 87; 18, с. 129].

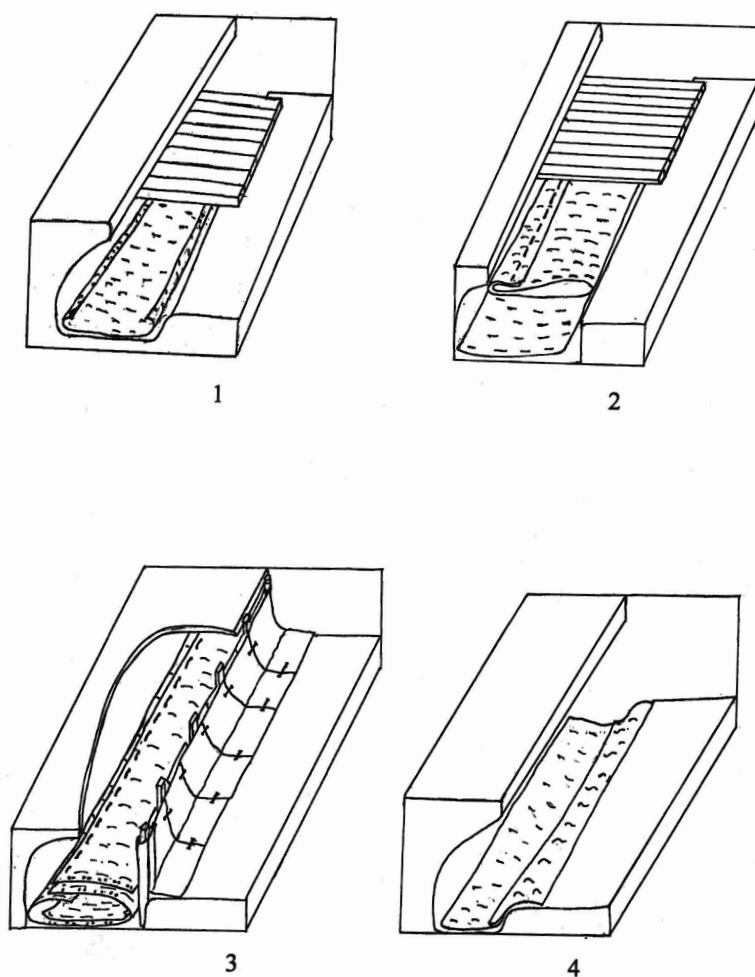

Рис. 1. Реконструкция внутримогильных погребальных сооружений курганного могильника Конёво.
1 — курган 1, п. 1; 2 — курган 2, п. 2; 3 — курган 2, п. 4; 4 — курган 2, п. 6

Выделенные нами технологические особенности позволяют выявить более конкретные аналогии в погребениях средневековых кочевников юга Западной Сибири [19, с. 126; 20, с. 64–73; 21, с. 66]. В погребениях 2 и 4 кургана 2 захоронения совершены в берестяных чехлах (рис. 1. 2–3). Аналогичные по конструкции берестяные чехлы зафиксированы в Новосибирском Приобье на могильнике Санаторный-1, встречены в трех случаях. Отличие конструкций берестяных чехлов из Санаторного-1 в том, что между наложенными друг на друга краями савана прокладывалась узкая берестяная лента шириной 4–5 см, а затем края листов сшивались. Внутри берестяного чехла из кургана 20 (погребение 10) курганного могильника Санаторный-1 нами была зафиксирована берестяная подстилка, как и в берестяном саване из кургана 2 (погребение 4). Края саванов по торцам также прошивались. Перекрытие берестой ступеньки с конём в погребениях с подбоями зафиксированы в Новосибирском Приобье в курганах 11 и 26 погребениях 1 и 2 соответственно, курганного могильника Санаторный-1 [20, с. 65; 22, с. 43–44].

Хорошо сохранившаяся перегородка из кургана 2 погребение 4 позволяет воссоздать недостающие элементы подобных внутримогильных конструкций. Деревянные перегородки в погребениях с конями на Юге Западной Сибири известны в Новосибирском Приобье (курган 26 погребение 2 курганного могильника Санаторный-1). Наклонные деревянные плашки закрывали доступ в подбой, отделяя человека от коня. Плашки стояли на расстоянии 25–30 см [22, с. 64–73]. Между плашками были встречены вкрапления частиц белого цвета, скорее всего, берестяной тлен. В Алтайском крае в детском погребении монгольского времени из курганного могильника Телеутский Взвоз-1 вход в подбой так же, как и в могильнике Конёво, был закрыт вертикально стоящими деревянными плашками. Береста в конструкции стенки отсутствует [21 с. 182–184]. В этом погребении не было коня. В Томском Приобье, на Астраханцевском курганном могильнике (курган 3 погребение 2), в погребении с конем, но без подбоя, также зафиксирована перегородка из верти-

кально стоящих плашек [16, с. 12]. На юге Западной Сибири перегородка из дерева и бересты такой хорошей сохранности встречена впервые.

Исследование бересты из средневекового курганного могильника Конёво в Кузнецкой котловине позволило нам выявить и систематизировать малоинформативные фрагменты берестяных погребальных конструкций. В свою очередь, это дало возможность установить, что в общих чертах берестяной промысел в XI–XIII вв. н.э. на территории Кузбасса был тождествен этнографическим данным. Население активно использовало бересту в погребальной практике, используя разные типы погребальных конструкций от простых (подстилки) до сложных — берестяные

чехлы из цельного полотнища (по принципу заворачивания) — в сочетании с подстилками и перекрытиями. Подстилки выполняли как самостоятельную функцию, так и дополнительную, уплотняя берестяные чехлы как внутреннюю вкладку. Среди изученных фрагментов не было выявлено ни одного со следами вторичного использования. Возможно, это свидетельствует о том, что погребения были совершены в период весенне-летних заготовок берестяного сырья, с подбором материала под конкретные берестяные чехлы.

Дальнейшее изучение и систематизация берестяных изделий позволит нам составить более полное представление о традициях средневекового берестяного промысла юга Западной Сибири.

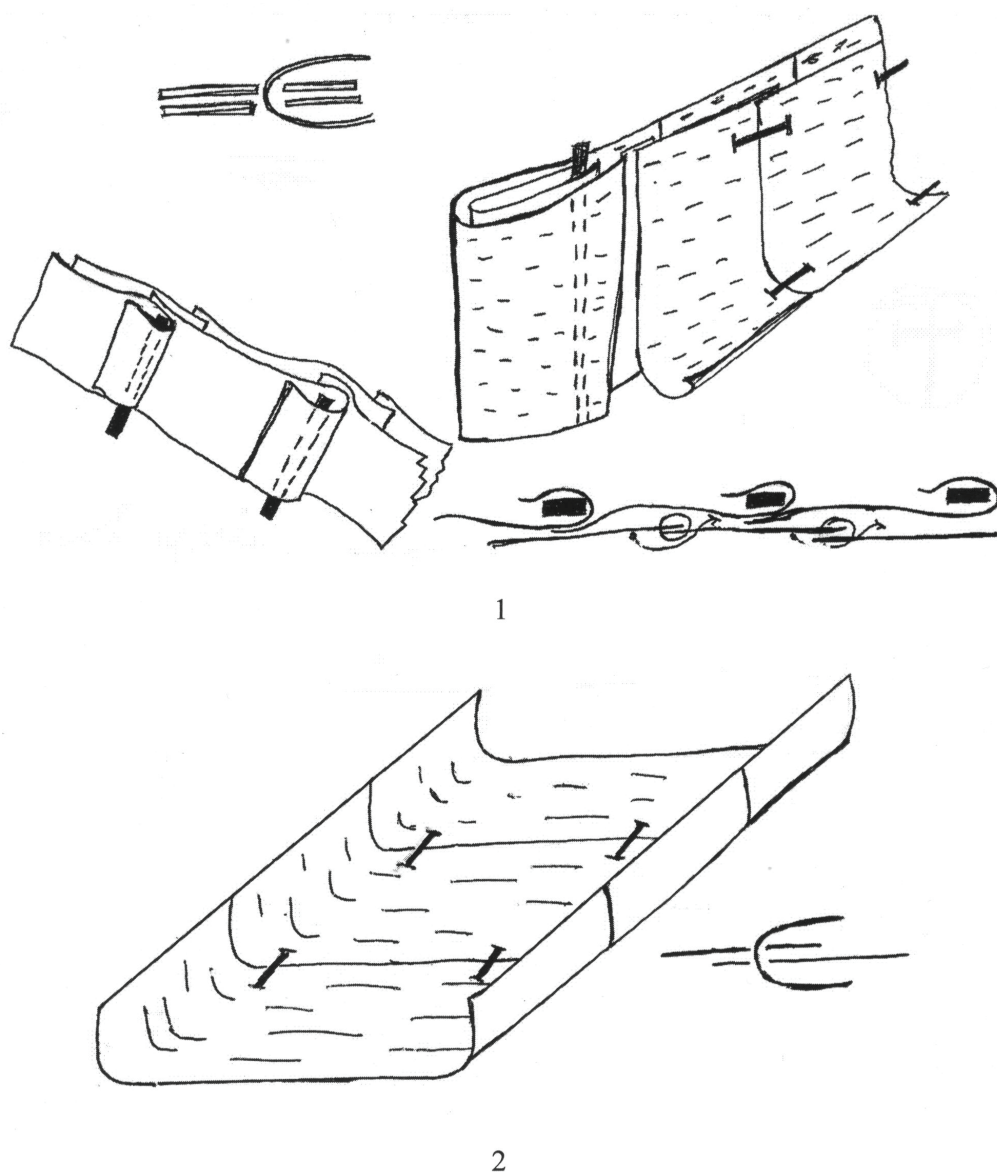

Рис. 2. Реконструкция внутримогильных сооружений курганного могильника Конёво из кургана 2, п. 4; 1 — конструктивные элементы внутримогильной перегородки; 2 — конструктивные элементы секций берестяной подстилки, вложенной в берестяной чехол из кургана 2, п. 4

Библиографический список

1. Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура : монография. — Кемерово, 2012.
2. Пилипенко С. А. Береста в мировоззрении хантов // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем : материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. — Томск, 2003.
3. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. — Кемерово, 2010.
4. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. — Новосибирск, 1992.
5. Илюшин А. М. Курганы средневековых кочевников долины р. Бочат. — Кемерово, 1993.
6. Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. — Кемерово, 1999.
7. Пилипенко С. А. Реконструкция средневековых берестяных сумочек для зеркал из Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая : материалы региональной научно-практической конференции. — Барнаул, 2007. — Вып. XVI.
8. Богомолов В. А. Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. — Томск, 1987.
9. Богомолов В. А., Мельников Б. В. Изделия из бересты у населения XVII–XVIII вв. бассейна р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 2: Культура тарских татар. — Новосибирск, 1997.
10. Алексеенко Е. А. Народная техника обработки дерева у кетов // Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л., 1976.
11. Бельгибаев Е. А. Традиционная берестяная утварь Туба // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 2006. — Вып. XV.
12. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. — М., 1989.
13. Бобров В. В. Курганы могильника Промышленная-1 // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. — Кемерово, 1997.
14. Савинов Д. Г. Могильник Калтышино 1 (новые материалы по археологии начала 11 тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины : сборник научных трудов. — Кемерово, 1997.
15. Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. — Тобольск ; Омск, 2000.
16. Плетнёва Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). — Томск, 1997.
17. Молодин В. И., Соловьёв А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми // Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. — Новосибирск, 2004. — Т. 2.
18. Росляков С. Г., Пилипенко С. А., Князев А. О. Могильник Санаторный-1 и некоторые вопросы этнокультурной характеристики Новосибирского Приобья в нач. II тыс. н. э. // Археология, палеоэкология и этнология Западной Сибири и Дальнего Востока : тезисы докладов к XXXVI РАСК. — Иркутск, 1996. — Ч. 2.
19. Тишкин А. А., Горбунов В. В., Казаков А. А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время : монография / под ред. Ю. Ф. Кирюшина. — Барнаул, 2002.
20. Ануфриева Е., Мальгина Е., Шатова М. Особенности погребального комплекса кургана 26 могильника Санаторный 1 // Материалы юношеских полевых семинаров (1999–2000 гг.): сборник тезисов и докладов. — Новосибирск, 2000.
21. Грушин С. П., Пилипенко С. А., Бильгибаев Е. А. Берестяной короб из могильника Телеутский Взвоз-1: опыт археолого-этнографической реконструкции // Интеграция археологических и этнографических исследований : сборник научных трудов. — Алматы, 2004.
22. Пилипенко С. А. Некоторые итоги исследований берестяных конструкций (по материалам могильника Санаторный 1) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии : материалы научной конференции. — Новосибирск, 2000. — Т. 2.